

АЛЕКСАНДР БИКБОВ

Осваивая французскую ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОСТЬ, или Фигура интеллектуала в пейзаже

В одной из многочисленных вылазок с друзьями по окрестностям Клод Моне потерял зонт. Имея привычку до рассвета выходить из дома и подолгу созерцать перемену красок окружающего мира в лучах восходящего солнца и движении атмосферы, Моне разглядывал и отдаленные места своих прогулок. Как-то вернувшись в дом, он стал убеждать друзей и родственников, что обнаружил пропажу. Указывая куда-то в заполонившее каменистые холмы разноцветье, он выделил цветное пятно, которое, по его мнению, могло быть только утраченным зонтом. Близкие пытались разубедить его, полагая, что на столь значительной дистанции разглядеть зонт попросту невозможно. Моне остался при своем и настоял на экспедиции к указанному им месту. Некоторое время спустя, к удивлению близких и торжеству художника, кто-то из друзей вернулся домой, неся потерянный зонт. Эта история¹, словно воздающая гению художника в великом и малом, на самом деле — о способности к различению. Различению в насыщенном деталями пейзаже, который предстает перед неискушенным наблюдателем порядком больших форм и контрастных фигур или же будоражащим взгляд беспорядком. В строгой дискретной оптике, которую в течение многих лет практиковал и совершенствовал Моне, тот же пейзаж составлен «лишь» множеством малых цветковых пятен, которые вступают между собой в композиционные отношения.

Современная французская философия, гуманитарные и социальные науки представляются внешнему наблюдателю по-настоящему сложным,

¹ Ее порой рассказывают гиды в Живерни, деревне, где Моне прожил вторую часть своей жизни, создав там знаменитый сад и пруд с кувшинками, которые стали материалом для его нескончаемых художественных упражнений.

если не хаотичным пейзажем. Удачей здесь будет даже не узнать в случайном цветочном пятне потерянный зонт, а для начала понять, с какого расстояния и под каким углом следует обозревать эту картину. Предсказуемо широкая тематическая палитра: от критических исследований неолитерализма и проблематизации политик насилия до очередного пересмотра оппозиции природа/культура и реинтерпретаций христианской чувственности, — дополняется множеством оттенков, диктуемых специализацией исследовательских подходов. Саморефлексия и самокритика, намечаемые изнутри этого пейзажа, крайне эвристичны, но попытки, которые претендуют на наиболее широкий охват, нередко оставляют впечатление весьма частной реконструкции, решающей задачу систематики за счет значительного усиления контрастов². Для характеристики этого пейзажа, кажется, вполне пригодны слова одного из участников-наблюдателей, произнесенные веком ранее: «Нельзя выделить ни главенствующих, ни соперничающих школ, которые имели бы неоспоримых руководителей и послушных учеников. Общий вид французской философии можно сравнить с городом, который архитекторы, каменщики и ремесленники строят без предварительного согласия между собой, каждый действуя на свой вкус и следуя собственным наклонностям»³.

Капиллярные эффекты и требование оригинальности

Несмотря на наличие в современном интеллектуальном пространстве Франции нескольких научных школ с признанным лидерством и членством, отчасти соответствующим институциональной принадлежности

² С точки зрения саморефлексии в области пересечения философии и социальных наук крайне любопытно, например, выступление Жоржа Кангилема «Что значит быть философом во Франции сегодня?», где он с явственно полемической целью ограничивает профессиональную философию прежде всего от писательства и преподавания [Canguilhem G. *Qu'est-ce qu'un philosophe en France aujourd'hui?* // *Commentaire*. Vol. 14. No. 54 (1991)]. В написанном пятью годами ранее тексте-посвящении Кангилему, наряду с противопоставлением философии и истории науки, Мишель Фуко предлагает кардинальное различие, которое, по его мнению, перекрывает пестрое разнообразие интеллектуальных течений, включая марксистов, фрейдистов и т.д.: «Философия опыта, чувства, субъекта и философия знания, рациональности, понятия» (Foucault M. *La vie, l'expérience et la science* // *Revue de métaphysique et de morale*. № 1. 1985. P. 4). При этом Жан-Луи Фабиани, который обращает внимание на этот текст Фуко, поскольку во французской философии конца XIX — начала XX в. обнаруживается сходная оппозиция между спиритуализмом и рационализмом, пронизательно указывает, что это единственный текст Фуко, где упомянуты имена социологов (Fabiani J.-L. *La sociologie historique face à l'archéologie du savoir* // *Le Portique* [сетевая версия]. № 13–14. 2004). Систематизация того или иного поля, дисциплины — зачастую не только методологический, но и стратегический акт.

³ Характеристика французской философии, данная Фредериком Поланом в 1900 г. Цит. по: Фабиани Ж.-Л. *Философы республики* // *Логос*. № 3–4 (43) 2004. С. 91.

(например, школа Бурдьё), воздействие на все это пространство отдельных влиятельных авторов гораздо ближе к эффекту импрессионистской, нежели академической, живописи. Тот же «эффект Бурдьё», не говоря уже об «эффекте Фуко»⁴ или «*эффектах*» иных внеуниверситетских интеллектуалов, обнаруживается в едва ли не более последовательном употреблении «сильных» понятий и объяснительных схем авторами, рассеянными по региональным университетам, чем номинальными последователями, в основном сосредоточенными в Париже и чаще рассчитывающими на признание в качестве самостоятельных ученых. Эти рассеянные и капиллярные эффекты делают мерой интеллектуального влияния той или иной фигуры, в конечном счете, не библиографические ссылки, а гораздо труднее квантифицируемые *приемы*, которые могут не иметь явного понятийного выражения.

Прекрасной иллюстрацией такого положения дел может служить понятие «поле», заимствуемое из проекта критической социологии Пьера Бурдьё. Само это понятие стало достоянием публицистов и журналистов, т.е. активно употребляется в широком публичном обороте, по меньшей мере с начала 2000-х. Потому его употребление не может гарантировать принадлежности пишущего к последователям Бурдьё. Вместе с тем целый ряд объяснительных приемов, которые предполагает корректное использование этого понятия: межпозиционная борьба за определение границ и ставок игры, определяемая этой борьбой иерархия доминирующих и доминируемых, напряжение между производством смыслов для профессионалов и для широкой публики, превращение некоторых социальных характеристик в «плату за вход», — могут использоваться в работах по социологии или по философии знания без того, чтобы в них явным образом звучало слово «поле». Схожую ситуацию можно наблюдать и в отношении ряда понятий из инструментального набора Мишеля Фуко⁵, Жака Деррида, Жилия Делеза, но также гораздо менее известных в России исследователей, сделавших более традиционную научную карьеру, таких как философ Венсен Декомб, социолог Робер Кастель или антрополог Марк Оже.

Не меньшего внимания заслуживает и то, что в современной Франции считается приемлемой разновидностью школы. Существенно чаще это школа базовой *дисциплины*, т.е. учебная институция как таковая, где преподаватель выполняет роль тренера, а руководитель — координатор.

⁴ О том, что для создания «эффекта Фуко» в международном и отчасти французском интеллектуальном пейзаже решающую роль сыграло несколько сборников, а не согласованная деятельность школы или группы единомышленников, можно узнать из беседы с одним из создателей этого «эффекта» Колинном Гордоном (Гордон К., Донзло Ж. *Управление либеральными обществами. Эффект Фуко в англоязычном мире*// Логос. № 2. 2008).

⁵ В качестве примера подобной, далеко не всегда академически эксплицитной, работы с инструментарием Фуко см. текст Пьера Дардо и Кристиана Лавалья в этом номере «Логоса».

ра, в отличие от школ *мысли*, с их исключительными формами морального сплочения и отношениями учителя-ученичества, всегда находящимися на подозрении в сектантстве. В отличие от Бурдьё, почти никто из очень известных или менее известных нам авторов и мыслителей не создал *своей школы* в институциональном смысле этого слова. Не существует ни семиотической школы Ролана Барта, ни генеалогической школы Мишеля Фуко, ни даже сколько-нибудь последовательного продолжения исторической школы «Анналов». В философии аналогом школ вообще часто выступают свободные семинары. На практике все это означает весьма специфическое использование инструментария наставников и предшественников. Последователи, чье ученичество не формализовано моделью школы как производственного и морального коллектива, стремятся в первую очередь не упрочить и доработать ранее созданную исследовательскую программу, а создать ей приемлемую альтернативу. В гораздо большей степени, нежели интеллектуальной аффилиацией и методологическим сходством, французские исследователи озабочены собственными отличиями в дисциплинарном и интеллектуальном пейзаже. Впечатляющая степень индивидуальной автономии и относительный диссонанс исследовательских программ заложены в самом основании философии и социальных наук и обнаруживаются уже в образовательных микропрактиках, отражающих и формирующих здравый смысл, сквозь призму которого прочитываются результаты интеллектуального труда. Близкий к артистическому императив: «Сделайте оригинальными ваш объект и подход», — не менее действен уже при подготовке дипломных работ, наряду с гораздо более академичным требованием научной добросовестности и доказательности.

Вот пример из не самой «артистической» дисциплины — социологии, где также разделяется посылка о необходимой оригинальности учебных работ. В пособии по написанию диплома преподаватели парижского и руанского университетов рекомендуют студентам: «Нужно, чтобы вы желали обогатить понимание темы собственной работой, которая таким образом делается оригинальной и уникальной... Если тема уже изучалась кем-то из ваших предшественников... ничто не мешает вам снова взяться за дело, при условии что вы обогатите ее научной прибавочной стоимостью благодаря новым эмпирическим данным, новой постановке вопроса или новой проблематике»⁶. Прояснить особенности французской образовательной модели помогает напоминание о российской, где формальному требованию «новизны» дипломного исследования сопоставлен заранее подготовленный перечень образцовых тем, который «разрабатывается и утверждается кафедрой», наряду

⁶ Guide du mémoire en sociologie, 2006. P. 2–3 [<http://www.univ-paris8.fr/sociologie/>]. Эти рекомендации относятся к итоговым работам обеих образовательных ступеней: после трех лет обучения (эквивалент диплома бакалавра) и после следующих двух (диплом магистра).

с обязательным списком курсовых работ. Во французском случае темы курсовых и дипломов остаются предметом частного соглашения между студентом и преподавателем, что лишь подкрепляет их *оригинальный*, т.е. учитывающий специфические склонности и обстоятельства, характер. Схожий принцип направляет и создание французских учебных программ: содержание курсов определяется *самими* преподавателями, исходя из навыков и компетентностей, которыми они лучше всего владеют, утверждается университетскими комиссиями и отправляется на итоговый контроль в министерство образования. Российская модель, основанная на госстандарте, когда учебные программы разрабатываются в учебно-методических объединениях при министерстве образования и *спускаются* на факультеты и кафедры, оставляет гораздо меньше институциональных поводов к тому, чтобы культивировать оригинальность в преподавании или исследовании. В результате во французских университетах предметом итогового образовательного контроля — когда квалификационная работа проверяется на «соответствие требованиям» — выступает не способность студента воспроизвести ранее утвержденную схему, а индивидуальные навыки исследования, вне зависимости от того, имеются ли у того прецеденты.

Фабрика научных карьер: производство субъекта

Источник методологического разнообразия не ограничивается установкой на оригинальность, которая уже на ранних этапах транслируется в дисциплину академического исследования и письма. Если взять еще дальше в сторону от методологии (или драматургии) интеллектуального поиска и присмотреться к рутинным механизмам карьеры, действующим как в стенах больших образовательных и научных институций, так и за их пределами, именно эти механизмы лучше многих иных обстоятельств позволяют объяснить впечатляющий плюрализм подходов и тем во французских гуманитарных и социальных дисциплинах. Кардинальная проблема, определяющая всю французскую научную политику: кто и как становится исследователем? — подготавливает к ответу и на множество связанных с нею восхищенных и недоуменных вопросов о совокупных результатах той интеллектуальной работы, которая на расстоянии может представляться единым и непостижимым полем «французской мысли».

Прежде всего, в основе институциональной научной карьеры заложен принцип, во многом гарантирующий пресловутую «французскую исключительность»: объектом оценки здесь выступает не *продукция* (публикации, проекты, направления), а *индивиды*, обладающие необходимыми интеллектуальными свойствами. Объективированными *показателями* этих свойств неизменно служат число и качество публикаций, реализованные проекты, успешные просветительские инициативы. Их демонстрация при наличии других 100 или 200 претендентов

на должность в университете или научном центре становится практически необходимой в двух отношениях: как доказательство индивидом своих свойств и как обоснование институцией сделанного в его пользу выбора. Тем не менее конечным предметом оценки выступают не эти показатели, а сами преподаватели и исследователи, за которыми признается *способность* производить результаты в силу наличия у них нужных свойств⁷. Столь же важно, что источником научной оценки в конечном счете выступают не заведения, в лице официально представляющих их администраторов, а такие же индивиды, наделенные необходимыми научными свойствами, признание которых они получили от коллег ранее. На практике это означает, что в ходе общей профессиональной аттестации, при приеме кандидатов на работу или продвижении в должности ключевую роль играют решения, принимаемые коллегами по научной дисциплине. Французская модель научной оценки, определяющая карьерные перемещения кандидатов, — это регулярно воспроизводимая серия актов взаимного признания⁸ и имманентная им реализация желания быть признанным.

Выстроенная на этих основаниях, научная карьера имеет очевидные эмпирические преимущества и изъяны с точки зрения декларируемой меритократии. Однако сама эта регулятивная модель, к которой постоянно возвращается практика, через акты взаимного признания равных конституирует в качестве первичного интеллектуального субъекта не научное заведение, а индивидуального исследователя/преподавателя и корпус коллег⁹. *Корпус*, который, в отличие от научного заведения, не предпослан в виде готового плана любому индивидуальному участнику, а многократно переучреждается через процедуры взаимного признания, кооптации и гармонизации взглядов, всегда оставаясь частично открытым для борьбы и перегруппировки. В отличие от института — спроектированного кем-то здания, на этажах которого размещены индивиды, — профессиональный корпус уместнее сравнить

⁷ Понимание этого обстоятельства позволяет прекрасно объяснить сопротивление французских ученых и преподавателей библиометрической, или «механической», оценке их научной результативности, которую в рамках реформы образования и науки вводят вместо «человеческой», или коллегиальной.

⁸ Иными словами, речь идет о признании равными (*reconnaissance par les pairs*), которое, по определению Пьера Бурдьё, составляет специфическую и фундаментальную характеристику поля науки (Bourdieu P. *Les usages sociaux de la science*. Paris: INRA, 1997).

⁹ В самом деле, объединенные взаимным признанием индивиды выступают одновременно как в собственном качестве (в качестве обладателей признанных интеллектуальных свойств), так в качестве коллективного субъекта, в частности, преподавательского корпуса университета, предполагающего собственный способ видения мира и действующего от своего лица в политических контрверзах (см.: Bourdieu P. *Effet de champ et effet de corps*// *Actes de la recherche en sciences sociales*, № 59 (1985); Descombes V. *L'identité collective d'un corps enseignant*// *La Vie des idées*, 3 mars 2009 [<http://www.laviedesidees.fr/L-identite-collective-d-un-corps.html>]).

с процессом строительства и перестройки здания самими его обитателями. Коллеги-ученые и преподаватели оценивают профессиональную пригодность претендентов, утверждают их в должностях и званиях, и уже эти индивиды, желающие признания, которое делает их равными, дополняют тематические репертуары институций своими исследовательскими проектами, авторскими курсами и значительными вариациями обязательной программы. Такая подвижность — в пределе обратимость — отношений индивидов с учреждениями, относительно легко допускающая институциализацию частных интеллектуальных предпочтений, оставляет исходное место для тематического разнообразия и индивидуации интеллектуального поиска, которые отвечают соблазну оригинальности.

Обратимость и желание признания, институциализированные во французской модели научной карьеры, отличают ее от известной нам российской. В последнем случае индивид исходно и по многим поводам вовлечен в отношения с институцией через ее официальных представителей, администраторов — отношения, которые не предполагают желания или по меньшей мере не производят его как всеобщее. Конституируемое этими отношениями пространство интеллектуальных возможностей располагает индивида к принятию не только карьерных процедур, но также тематических и познавательных образцов, генерируемых институциональной иерархией. Чтобы быть до конца ясным: французский академический мир не испытывает нехватки в чванных иерархиях, присваивающих и переупорядочивающих дискретные свойства индивидов в непрерывный асимметричный порядок. Но и этот перехват никогда не остается монополией институций, отчасти удерживаясь в горизонте тех же отношений между индивидами, ищущими признания своих свойств. Точно так же администрацию французских научных институций и университетов редко назначают *сверху*: административные позиции являются предметом согласований между многими сторонами, которые дополняются неофициальными маневрами в сетях социальных связей. Легитимность (признание) той или иной фигуры в среде равных представляет собой базовый регулятор иерархических перемещений. Таким образом, профессиональные отношения институциализируются параллельно и в противовес иерархическим, как прежде всего отношения между достойными признания и признающими друг друга индивидами, «людьми со свойствами». Конstellация этих свойств, реализованная одновременно в симметричных структурах желания-признания и асимметричном порядке подчинения, производит на свет исторически вариативного научного субъекта — индивидуального ученого и корпус коллег.

Действительность этого субъекта реализуется во Франции в работе таких институциональных процедур, как конкурс, научная комиссия, ученый совет, общее собрание. Некоторые из них, в частности конкурс — несущая конструкция республиканского государства, — действу-

ют уже с XIX века¹⁰. Иные, такие как ученый совет и общее собрание, восходят к структурам средневекового университета этого «лона, в котором сформировалась вся наша образовательная система»¹¹, подвергшись модификациям в стенах республиканских государственных заведений, научных и образовательных. Кардинальная дилемма справедливого карьерного решения, рождаемая в неустранимом напряжении между частными обстоятельствами и универсальными принципами, переводится здесь в сложное равновесие между *локальными* (отдельные учреждения) и *общенациональными* (дисциплины в целом) органами аттестации. Уже упоминавшаяся разработка учебных программ самими преподавателями с их последующим утверждением локальными учеными советами факультетов и дальнейшей сертификацией в национальном министерстве образования — пример управления интеллектуальным равновесием, а по сути, локального самоуправления, которое удерживается в основном на собственных свойствах индивидов, признанных коллегами. Другой, более замысловатый пример — прохождение кандидатами на должности в научных и учебных заведениях обязательных квалификационных порогов. Первичная аттестация на профессиональную пригодность, дающая право занимать должности в университете или научных заведениях¹², проводится общенациональными дисциплинарными комиссиями, в которых на сменной основе заседают представители из разных университетов или научных заведений, включая региональные¹³. Условия самого конкурса на вакантную должность формулируются локально, в переговорах между ученым советом и администрацией факультета или лаборатории, которые обнародуют содержательные требования к кандидатам. Однако отбор кандидатов, претендующих на каждую должность, производят не они, а те же общенациональные дисциплинарные комиссии коллег, которые изучают присылаемые кандидатами досье: профессиональное резюме, списки публикаций и сами публикации. Итоговый рейтинг кандидатов, предоставляемых этими коллегиальными комиссиями, не является обязатель-

¹⁰ Следует заметить, что, как и в советский период, формально с начала 1980-х, а фактически уже с 1970-х и до последних лет академические ученые во Франции имели статус государственных служащих. Университетские преподаватели впервые получили этот статус в 1806 г., с учреждением Наполеоном единого имперского университета.

¹¹ Durkheim E. *L'évolution pédagogique en France*. Paris: PUF, 1999. Première partie, ch. VII.

¹² Речь идет о государственных заведениях, в которых результаты аттестации остаются действительными в течение ближайших трех лет, после чего нужно проходить аттестацию заново.

¹³ Третью составу этих дисциплинарных комиссий назначается по спискам профсоюзов, из числа тех же преподавателей и исследователей. Включение профсоюзов в карьерный процесс отчасти нейтрализует эффект внутродисциплинарных иерархий: частично пересекающиеся структуры власти, коллегиальной и административной, куда одновременно вовлечены сотрудники научных институций, дополняется еще одной.

ным к исполнению, тем не менее пренебрежение к нему — серьезный риск для репутации заведений, поскольку локализм в карьерных решениях почти всегда указывает на nepoтизм, обмен услугами и иные отклонения от универсалистских требований научной дисциплины¹⁴. Некоторая доля вакантных должностей в университетах создается и заполняется локально, по решению администрации, однако до самого недавнего времени, пока коллегиальная власть превалировала над административной иерархией, эта доля была незначительной. Наконец, решение о карьерном продвижении преподавателей или исследователей, которых рекомендует к продвижению локальный ученый совет, также принимается общенациональными комиссиями по дисциплинам¹⁵.

Иными словами, в управлении индивидуальными карьерами и при создании тематических репертуаров преподавания и исследования ключевую функцию выполняют коллегиальные органы — структуры власти, учреждаемые процедурами взаимного признания равных. Наряду с этим, дисциплинарные комиссии, представительные в национальном масштабе, уравнивают решения, принимаемые на локальном уровне¹⁶, гарантируя соответствие карьерных назначений универсальным критериям научной дисциплины и, как следствие, универсализм самого научного субъекта, производимого в результате принимаемых решений. Участие профсоюзов в карьерных вопросах и в обсуждении политики занятости, как с локальной администрацией научных и учебных заведений, так и в составе национальных комиссий при министерстве, делает это равновесие еще более сложным. Научная политика, по сути, превращается в управление равновесием в нескольких, лишь отчасти пересекающихся и пронизывающих заведения структурах власти: *коллегиальной, административной, ассоциативно-политической*. Наличие

¹⁴ Пример аргументированной дискуссии о локалистских тенденциях в конкурсах на университетские должности, см.: Godechot O., Louvet A. *Le localisme dans le monde académique : un essai d'évaluation*// *La Vie des idées*, 22 avril 2008 [<http://www.la-viedesidees.fr/Le-localisme-dans-le-monde.html>] и последующие реплики.

¹⁵ Во всех случаях речь идет о постоянной занятости в научных заведениях или университетах, т.е. о постоянном и собственном *корпусе* институций. Наряду с ней, существуют промежуточные формы контрактного типа и стажировок, которые не подчиняются требованиям публичного конкурса, оставаясь в ведении локальных органов. В последние годы такими формами все чаще замещается прием на постоянные должности, в частности, молодых преподавателей. Очевидно, что временный наем, узаконенный текущими реформами, меняет как социальный состав профессионального корпуса социальных и гуманитарных наук, так и его субъектность. Однако цель настоящей статьи — прояснить специфику действующего производства гуманитарных смыслов, которое сформировалось в процедурном режиме, привязанном к постоянной занятости и статусу ученого и преподавателя как служащих республиканского государства.

¹⁶ Это уравнивание — настоящая работа, о чем свидетельствует время, которое преподаватели и исследователи посвящают деятельности в комиссиях: по три-четыре месяца в году на чтение досье, участие в заседаниях, прослушивание кандидатов, получивших высокий рейтинг.

нескольких сопряженных структур и форм представительства частично нейтрализует гравитационные эффекты каждой из них по отдельности, оставляя шанс для интеллектуальной карьеры как таковой, т.е. для перевода индивидуальных научных свойств в должностные позиции. Эта же сложность равновесия сил, определяющего индивидуальные карьеры, в конечном счете способствует индивидуации интеллектуального поиска, избавляя «людей со свойствами» от слишком однозначных административных, тематических и политических принуждений и формируя у них навыки своего рода малых интеллектуальных предпринимателей даже в стенах больших заведений¹⁷.

Чтобы сделать это обстоятельство еще более понятным, достаточно вновь сопоставить его с известными нам российскими реалиями, где равновесие между разноуровневыми структурами откалибровано совершенно иначе. Содержательные программы разрабатываются общенациональными органами — комиссиями и учебно-методическими объединениями при Министерстве образования РФ, — коллегиальный характер которых нейтрализуется бюрократической логикой госстандарта. Карьерные решения принимаются локальными административными (т.е. неколлегиальными) органами, а именно дирекцией учреждений. Профсоюзы и профессиональные ассоциации почти лишены реальной власти в политиках найма и создании тематического репертуара заведений. В результате научная и университетская карьера остается сверхдетерминирована политически — эффектами должностной иерархии, — порождая релевантные им интеллектуальные схемы. В частности, теории субъекта и субъектности социального действия получили крайне незначительное развитие в постсоветских социальных науках и философии — существенно меньшее, чем тематически эквивалентные им теории личности в советских 1960-х, — поскольку ни индивидуальный исследователь, ни корпус коллег не были институционализированы как собственный, или автономный. В свою очередь, существование такого автономного субъекта во французских социальных науках и философии, неотделимое от проблемы управления собой, во многом закрепляет привилегированный познавательный статус за теориями, рассматривающими субъект мышления и действия, неразрывно познавательный и политический¹⁸, равно как придает совершенно

¹⁷ Текущая (с середины 2000-х) образовательная реформа угрожает этому хрупкому равновесию и, как следствие, этому типу интеллектуальной субъектности, среди прочего, попыткой резко сместить его в пользу структур административной власти, усилив их гравитационные эффекты по сравнению с коллегиальными и ассоциативными. Одним из вероятных следствий такого дисбаланса может стать сближение французских учебных и научных заведений с известными нам российскими образцами, охарактеризованными далее.

¹⁸ Из материалов этого номера в пример можно привести статьи Венсена Декомба, Филиппа Десколя, Жан-Люка Мариона, Юлии Кристевой, отчасти Люка Болтански с Эв Кьяпелло и Пьера Дардо с Кристианом Лавалем, посвященные проблемам

специфический — конструктивный, а не дерегулятивный — смысл пост-структуралистской критике субъекта. Институциональные процедуры коллегиального представительства и оценки индивидов, определяющие научные или университетские карьеры во Франции, *сами по себе* оказываются относительно нейтральными к индивидуальным политическим и даже содержательным предпочтениям, поскольку их собственным содержанием становится взаимное признание равными их интеллектуальных свойств¹⁹. В результате автономный коллективный субъект интеллектуальной практики, «естественно» реализованный в этих процедурах, столь же естественно обеспечивает рефракцию (в смысле Бурдьё) внешних неинтеллектуальных воздействий и административных принуждений, наделяя индивидуального исследователя или преподавателя заинтересованностью в автономном знании, которое при этом вполне может быть ангажированным социально.

В целом ключевые параметры, удерживающие институциональные исследования и гуманитарное преподавание во Франции в стихийном гомеостазе на протяжении вот уже более 100 лет, включают: критерии *допуска в профессию*, основанные на формальных показателях компетентности; механизмы *занятия должностей* в научных заведениях, основанные на модели индивидуальных достижений; условия *карьерного роста*, по преимуществу нейтральные к политическим и иным ненаучным предпочтениям участников, а также участие *ассоциативных объединений* в принятии решений, включая профсоюзы, работающие в дополнение к (а во многом и в противовес) механизмам научной карьеры. Почему именно эти «банальные» и, на первый взгляд, столь далекие от интеллектуального блеска и бурления условия могут играть основополагающую роль в формировании насыщенного интеллектуального пейзажа? По той «простой» причине, что они определяют познавательные возможности и перспективы в профессии для каждого исследователя или преподавателя еще до того, как он или она приступают к выбору темы и объекта своей работы, вступают в отношения интеллектуального сотрудничества, начинают нащупывать методы исследования и взвешивать возможности публикации результатов. Отсутствие жестко (инсти-

тизации субъекта и структур субъективности. Даже в такой, казалось бы, далекой от анализа этой связи исследовательской перспективе, как антропология, находится место для указания на политический характер конструкции субъекта. Описывая систему мышления современных европейских обществ, Филипп Десколя указывает, что одним из ее результатов стало «некоторое представление о субъекте, от которого, конечно, можно дистанцироваться, но которому обязаны своим существованием, в частности, наши демократические институты» (см. его текст в этом номере).

¹⁹ Сравнительный анализ и примеры работы этих механизмов в России и Франции, на примере социологии, подробнее представлены в статье: Бикбов А. *Эскиз политической микроистории социологии: российская и французская социология — части одной дисциплины?* // *Laboratorium. Журнал социальных исследований*. № 1. 2009.

туционально) заданных рамок при выборе тем и подходов становится результатом существования нескольких, лишь частично пересекающихся и принудительно сопряженных структур, в которые включены участники французского интеллектуального состязания. И если в конечном счете рутинные механизмы, которые гармонизируют эти структуры между собой, допускают и даже поощряют исследовательский индивидуализм, именно в них раскрывается та строгая грамматика нюансированных сходств и различий, которая генерирует обширное и завораживающее внешнего наблюдателя импрессионистское полотно французских интеллектуальных инициатив.

Антигравитационные эффекты и действенные слабые связи

Все сказанное выше имеет отношение прежде всего к одному из полюсов интеллектуальной практики — полюсу «больших» государственных заведений, исследовательских и университетских, где интеллектуальная работа ведется на регулярной основе и на постоянных должностях. Полюс, дополнительный и во многом противостоящий научному, — это рынок интеллектуальных публикаций или, даже более обще, рынок медиапродукции для широкой образованной публики²⁰. В данном случае речь идет о том специфическом, профессиональном, смысле понятий «интеллектуальное» и «научное», которое делает их отчасти антонимами во французском культурном обороте²¹. Университетские и научные карьеры, обладающие бюрократическими чертами в силу иерархии должностей и званий (иначе говоря, в силу административной структуры научных заведений), ориентированы на модель дисциплинарного признания, т.е. на оценку исследовательских результатов узким кругом специалистов. Интеллектуальные карьеры, когда число проданных экземпляров книги или приглашение на известную телепередачу может

²⁰ Устойчивость рынка культурной медиапродукции (в дополнение к рынку бумажных публикаций) обеспечивается не только, например, государственными субсидиями на экспериментальное кино, с его системой стипендий и фестивалей, но также системой писательских, артистических и научных резиденций, с культурными событиями, которые они проводят, рядом престижных культурных мероприятий, подобных коллоквиуму в Серизи, существованием франко-немецкого канала Arte, финансируемого из государственного бюджета, который совершает закупки и размещает заказы на производство, и т.д. Немаловажную роль играет поддержание на популярных государственных и коммерческих телеканалах передач с участием исследователей, писателей и интеллектуалов. Следует заметить, что, за исключением специализированных отраслей, таких как независимое кино, точкой входа на этот рынок для интеллектуалов остается все же печатная продукция. Если речь не идет о постоянных обитателях телеэфира, именно публикация книги чаще всего служит поводом для приглашения на передачу.

²¹ Наиболее явно это различие зафиксировано, вероятно, в делении журналов на дисциплинарные (по социологии, философии, экономике и т.д.) и интеллектуальные (*Esprit*, *Critique*, *Les Temps modernes*, *RiLi*, *Books* и т.д.).

быть важнее занимаемой должности, обязаны прежде всего признанию со стороны широкой читающей публики и критиков, безразличных к научным степеням и количеству статей в специализированных научных журналах. В этом смысле интеллектуальная карьера гораздо больше походит на писательскую, а этапами карьеры являются прежде всего изданные книги. Миры интеллектуального действия, организованные вокруг этих двух полюсов, отчасти пересекаются — больше, чем в России, хотя бы из-за рассмотренной выше множественности структур, определяющих успешную карьеру в научном секторе, — а пространство между ними изобилует промежуточными формами. Тем не менее для каждого из этих полюсов, взятых на максимальном контрасте, характерны разные типы признания и неразрывно связанные с ним типы карьеры, а также некоторые содержательные и стилистические предпочтения²². Наличие устойчивого интеллектуального рынка, комплементарного научному, который открывает новое измерение для позиционных перегруппировок и карьерных конверсий, вносит еще большее разнообразие в тематический и методологический репертуар послевоенной Франции.

Более того, почти все наиболее известные нам и всему миру французские интеллектуалы — выпускники престижных подготовительных классов и университетов, которые не остались в узком академическом секторе и получили признание благодаря выходу на рынок интеллектуальных публикаций. Идеальным, в некотором отношении, примером может служить фигура Мишеля Фуко, уже первая «полноценная» книга которого «Слова и вещи» неоднократно допечатывается и полностью расходуется за первые полгода общим тиражом более 18 тысяч экземпляров. Общий тираж продаж книг Фуко в США впечатляет еще сильнее: более 150 тысяч «Слов и вещей», более 200 тысяч «Истории безумия», более 300 тысяч «Воли к знанию»²³. Ученик философского подготовительного класса в лицее имени Генриха IV, одного из лучших во Франции, один из самых блестящих выпускников своего курса в престижной Высшей нормальной школе, стипендиат Фонда Тьера (вслед за Марком Блоком, Люсьеном Февром и некоторыми другими известными впоследствии исследователями и интеллектуалами²⁴), Фуко работает в культурных миссиях французского посольства в Швеции, Поль-

²² Заостряя эту оппозицию оценочно и одновременно распространяя ее приблизительно на вековую интервал, П. Бурдьё связывает полюса 1980-х гг. с противостоянием рубежа XIX–XX вв. между литераторами и светскими публицистами, с одной стороны, и рационалистами и позитивистам — с другой (Bourdieu P. *Homo academicus*. Paris: Minuit, 1984. P. 155).

²³ Cusset F. *French theory. Foucault, Derrida, Deleuze & Cie et les mutations de la vie intellectuelle aux Etats-unis*. Paris: Découverte, 2003. P. 293.

²⁴ Важность и престиж интеллектуально насыщенного и напряженного пребывания в Фонде Тьера можно косвенно оценить по характеристике Ж. Ле Гоффа, который считает стипендию в Фонде одним из трех ключевых факторов, приведших Марка

ше, Германии, Японии. Его университетская карьера едва насчитывает три года, если не принимать во внимание должность ассистента в университете Лилля сразу по окончании учебы. Все три институции, где он преподавал, далеки от центра университетского престижа и карьерного успеха: в 1962 году он преподает философию в университете Клермон-Феррана, в 1966–1967 годах читает курсы в университете Туниса, в 1969 году участвует в организации экспериментального Венсенского университета (ныне университет Париж-8). Скорее это можно считать удалением от сколько-нибудь последовательной и обнадеживающей университетской карьеры. В 1970 году он покидает Венсенский университет разочарованным и оскорбленным: его проект создания единого исследовательского факультета остается на бумаге, аудитории заполнены политизированными неучами, для кого доктринальные споры и уличные акции важнее работы с конкретными проявлениями власти и знания в их тонкой взаимосвязи. Коллеж де Франс, куда Фуко избирается в 1970 году, — заведение, радикально отличное от университета, за исключением одного решающего пункта: коллегиальной процедуры кооптации. Новый профессор может прийти в Коллеж с проектом собственной кафедры²⁵ только тогда, когда кто-то из предшественников покинет престижные стены, и для его избрания необходимо, чтобы все профессора Коллежа проголосовали «за». Помимо механизма кооптации, общих черт с бюрократическим типом карьеры у Коллежа немного: здесь нет студентов, но есть слушатели, которые приходят «с улицы», следуя своему интересу к теме или лектору; отсутствуют экзамены, поскольку посещение курсов свободное; профессора могут сами определять форму проведения и состав участников исследовательских семинаров.

Если рождение интеллектуала на рубеже XIX–XX веков традиционно связывается с делом Дрейфуса, произведшим на свет новую публичную фигуру, на линии максимального напряжения между автономизированными полями литературы и политики²⁶, то во второй половине XX века своим восхождением фигура критического интеллектуала не в меньшей мере обязана капиллярным политическим эффектам Мая-68. Однако и в том, и в другом случае решающим условием для отправления политической критики от имени культуры и практики культуры-как-политики явился относительно широкий рынок интеллектуальной литературы, который обеспечивал интеллектуалов первоначальным ресурсом публичного внимания и культурной легитимности. Не следует упускать из виду, что интеллектуальный рынок начал формироваться во

Блока к написанию знаменитого исследования «Короли-чудотворцы» (М.: Языки русской культуры, 1998; см. предисловие).

²⁵ Фуко «приносит с собой» в Коллеж де Франс кафедру истории систем мысли, которую возглавляет до своей смерти в 1984 г.

²⁶ См., напр.: Шарль К. *Писатели и дело Дрейфуса: литературное поле и поле власти*// Шарль К. Интеллектуалы во Франции: Вторая половина XIX века. М.: Новое издательство, 2005.

Франции задолго до того, уже в XVIII веке лишь отчасти совпадая с рынком беллетристики. Проект «Энциклопедии» (1751–1772), интеллектуальное предприятие Дидро и Д’Аламбера, экономика которого обеспечивалась сложной конфигурацией подписки на будущие тома, издательских инвестиций и частных пожертвований, была тем пробным камнем в интеллектуальном ристалище, которое оказалось способно приносить некоторым его участникам неординарное признание (не сводимое к литературному) вместе со средствами к существованию. Два века позже интеллектуальное реноме Сартра, Барта, Фуко, Делеза и даже отчасти Леви-Строса²⁷ или Бурдьё было обязано тому же успеху у читающей интеллектуальной публики, родственному литературной славе, но не тождественному ей, который мог быть обеспечен только в пространстве публикаций, гораздо более обширном, нежели сектор специализированных академических статей и монографий.

Из авторов этого номера «Логоса» близкий тип карьеры — у Юлии Кристевой, которая приехала во Францию в 23 года и вошла в ее интеллектуальный мир через литературно-исследовательский кружок «Тель Кель». Наряду с писателями, в нем принимали участие другие «атипичные» (по университетским меркам) интеллектуалы: Ролан Барт, Цветан Тодоров, Жак Деррида. Собственно академическая карьера Кристевой началась очень поздно, в возрасте 52 лет, с преподаванием литературы в университете Париж-7. Успех ее публикаций 1960–1970-х в найденном сочетании психоанализа и постструктуралистской семиотики — прежде всего статей в журнале «Тель Кель» и книг в авангардном на тот момент издательстве «Seuil» — был результатом внимания широкой, не-университетской, притом образованной и политически наэлектризованной публики, захваченной возможностями анализа собственной «подозрительной» субъективности. Поздняя кооптация Кристевой на университетскую должность, после ее политически и литературно «бурной» карьеры в ином интеллектуальном секторе, служит еще одним примером сложной сопряженности структур академической карьеры и относительной разомкнутости границ, когда институциональный субъект не заперт в хорошо укрепленной крепости факультета или научного учреждения. Потенциально открытая возможность перехода не позволяет воспринимать происходящее за стенами «своего» заведения как неведомый мир или даже как минное поле — что не такая уж редкость в России. Однако у подобного положения есть свои риски, которые сторонники строгой социальной науки и философии артикулируют с отчетливой тревогой. Уже с 1970-х годов во Франции активно обсуждаются последствия излишне простого наделения научной легитимностью внешних претендентов, в обход сложных процедур коллегиальной оценки и взаимного признания специалистов. Ведущая линия

²⁷ В существенно большей мере как автора «Печальных тропиков», ставших бестселлером, нежели автора «Сырого и вареного» и иных специализированных текстов.

этих дебатов — угроза качеству исследований со стороны *медийных фигур*, претендующих на полноценное интеллектуальное признание. Эта критика ведется как представителями научного полюса²⁸, так и обладателями преимущественно интеллектуальной карьеры, например Фуко, указывавшего на «довольно опасную... путаницу между учеными трудами и [публицистикой]»²⁹. Наряду с серьезной аналитической критикой, существуют образцы критики иронической, которая по своей форме сама приближается к литературе. Так, Луи ван Дельфт высмеивает претендентов на высшую интеллектуальную власть в своем философском фельетоне, выведя в комическом свете «модных философов» Жан-Поля Сартра, Мишеля Фуко, Жака Лакана, Бернара-Анри Леви и некоторых других³⁰.

Промежуточное положение между полюсом «больших» государственных заведений и рынком интеллектуальных публикаций заняли институты, предоставившие целой когорте исследователей-«*еретиков*» возможность для реализации пускай нетрадиционной, но полноценной научной карьеры в послевоенной Франции. Центральное место среди них заняла Высшая школа социальных наук (EHESS), основанная в конце 1940-х³¹, сотрудники которой пользовались даже большей свободой в выборе тем и методов своих интеллектуальных занятий, чем сотрудники государственных исследовательских институтов. Не будучи традиционным государственным заведением и даже, поначалу, традиционным заведением со своим зданием и с обыкновенными студентами, Школа долгое время функционировала как надстройка из исследовательских центров, проводивших обучение немногочисленных аспирантов и вольнослушателей непосредственно «в поле» и до самого недавнего времени выдававшая диплом собственного образца³². Поначалу не представляя интереса для искателей привычной университетской карьеры, это заведение стало местом — единственно возможным во французском академическом мире 1950–1970-х, — где смогла сделать карьеру целая плеяда блестящих социальных исследователей, гуманитариев и философов, чья работа крайне слабо стыковалась с тематическим и методологиче-

²⁸ См., например, упоминавшееся выше в сносках выступление Кангилема, предисловие к английскому изданию *Homo academicus* Бурдые или тексты последователя Бурдые Луи Пэнто, в частности его переведенную на русский язык статью «Философская журналистика» (в: S/Λ'97. Социо-Логос постмодернизма. М.: ИЭС, 1996).

²⁹ Foucault M. *A propos des faiseurs d'histoire (entretien avec D. Eribon)*// Libération, 21 janvier 1983 (в: Foucault M. *Dits et écrits II*. Paris: Gallimard, 2001. P. 1233).

³⁰ См. его текст «Моралисты в западне» в этом номере журнала.

³¹ С 1947 по 1975 г. она функционирует как VI секция Высшей практической школы, заведения столь же неординарного (см., напр.: Mazon B. *Aux origines de l'EHESS*. Paris: CERF, 1988. P. 17–21).

³² Подробно социальный и интеллектуальный контекст создания Высшей школы социальных наук, ключевые фигуры и тематические ориентиры, ставшие результатом установки на внедисциплинарность, описаны в: Бикбов А. *Институты слабой дисциплины*// Новое литературное обозрение, № 77 (2006).

ским (т.е. дисциплинарным) репертуаром, действующим в этот период в университетах. Из наиболее известных нам имен Школа объединила Фернана Броделя, Жоржа Гурвича, Александра Койре, Люсьена Леви-Брюля, Габриеля Ле Бра, Клода Леви-Строса, Люсьена Февра, Жоржа Фридмана, Ролана Барта, Жан-Пьера Вернана, Пьера Видаль-Наке, Пьера Бурдьё, Жака Деррида и вместе с ними – несколько десятков исследователей, отличавшихся столь же «атипичными», вневидециplinарными интеллектуальными предпочтениями. Кто-то из них, как Ролан Барт, гораздо явственнее тяготел к рынку интеллектуальных публикаций и по тематике занятий, почти неотделимых от литературы и искусства, и по характеру сопутствующих проектов. Кто-то, как Пьер Бурдьё, выстраивал свой проект по образцу строгой науки, находясь в лагере явных сторонников единого социального знания и его ярых защитников от литературно-публицистической девальвации³³. Общим достоянием, которым они совместно пользовались в новом заведении, был отбор обладателей исключительных интеллектуальных качеств, устойчивая карьера в форме оплаченного и освобожденного для исследований времени, постепенно расширяющаяся лабораторная инфраструктура, библиотека, возможность институционализировать свои интересы в виде исследовательских центров с постоянными сотрудниками. Некоторые члены Школы были также избраны профессорами Коллеж де Франс: Февр, Бродель, Леви-Строс, Вернан, Барт, Бурдьё.

Сравнивая эти две атипичные институции, Школу и Коллеж, с университетами и Высшей нормальной школой, Пьер Бурдьё так описывает их специфику: «Если профессора Коллеж де Франс и Высшей школы [социальных наук]... чаще других представлены на полюсе исследований, так это потому, что их роднит более-менее полная свобода от тех принуждений, которые давят на господствующие факультетские дисциплины, начиная с жесткой программы и многочисленных студентов, со всеми обязанностями, но также престижем и властью, которые из этого вытекают. Свободные в выборе темы своих занятий, они имеют возможность разведывать новые объекты, предназначенные вниманию небольшого числа будущих специалистов, вместо того чтобы излагать многочисленным ученикам, в большинстве своем не идущим в науку, результаты уже завершённых исследований (часто чужих) и вопросы, каждый год определяемые экзаменационными и конкурсными программами, в духе неизбежно и во многом обязанным логике контроля за успеваемостью»³⁴. К этому следует добавить, что публикации ака-

³³ Подробнее о биографии Бурдьё, в совокупности интеллектуальных и институциональных условий, в которых формируется его исследовательский проект, см.: Биков А. *Бурдьё/Хайдеггер: контекст прочтения (сопроводительная статья)*// Бурдьё П. Политическая онтология Мартина Хайдеггера. М.: Праксис, 2003. Раздел «Элементы стратегии: практический смысл нового прочтения».

³⁴ Bordieu P. *Homo academicus*. P. 141.

демических «еретиков» или «эксцентриков», которым работа в Школе оставляла обширное пространство для тематического выбора и время для его реализации, нередко пользовались успехом у широкой читающей публики, пускай он был более специальным и не столь оглушительным, как у Фуко, авторов «нового романа» или у мало чем отличающихся от журналистов «новых философов».

Вклад Школы, к 1980-м ставшей престижным научным заведением, в разнообразии французского интеллектуального пейзажа можно оценить по результатам, произведенным в согласии с теми преимущественно *внедисциплинарными* критериями, которые за прошедшие десятилетия легитимировали и «одомашнили» ее сотрудники, а вслед за ними — в силу успеха на рынке интеллектуальной литературы — частично освоили и «большие» заведения. Среди авторов этого номера «Логоса» представлены несколько сотрудников Школы: философ Венсен Декомб, успешно совмещающий теоретическую археологию субъекта с критикой текущих образовательных реформ³⁵; антрополог Филипп Десколя, бывший ученик Клода Леви-Строса, сотрудника Школы первого поколения, столь же неканонически, сколь свободно вовлекающий в свою антропологическую интерпретацию Гуссерля, Фуко или символический интеракционизм³⁶; и социолог Люк Болтански, бывший ученик другого сотрудника Школы, Пьера Бурдьё, который перемежает исследования новых профессиональных категорий и новых форм субъективности современного капитализма с эссе о социализированных страстях и звуковыми перформансами³⁷.

Помимо установки на внедисциплинарность, в работе этой институции обращает на себя внимание более явный эффект школ мысли, существенно слабее выраженный в университетских учреждениях как школах базовой дисциплины. В Высшей школе социальных наук, где обучение новичков в 1950–1980-е годы происходит на практике, через их включение в конкретные исследовательские проекты, более рельефно воспроизводятся и характерные для малых научных групп отношения учитель/ученик. Однако, в отличие от исследовательских коллективов «большой науки», эти отношения достаточно быстро и основательно переопределяются в ходе эксцентрической профессиональной карьеры, ведомой все той же установкой на оригинальность исследовательской программы и предметной области. Работа под руководством большого исследователя и преемственность, которой не отрицают сами бывшие

³⁵ См., например, его наиболее известную работу последних лет «Le complément de sujet. Enquête sur le fait d'agir de soi-même» (2004), готовящуюся к переводу на русский, и упоминавшуюся выше статью «L'identité collective d'un corps enseignant».

³⁶ См. его текст в этом номере журнала.

³⁷ Образец его социологической работы представлен в этом номере журнала. Из менее академических, в числе эссе «La Souffrance à distance» (1993) или «La Condition foetale» (2004), в еще более далеких жанрах кантата «Les Limbes» (2006) или хорал «Lieder» (2009).

ученики, готовят их к энергичному отказу от освоенных схем и перипетиям *преодоления*, цель которого — знание как личностный конструкт. Именно так Ф. Десколя описывает становление собственной интерпретативной модели: от критики географического детерминизма в этнографии, с опорой на структурную антропологию Леви-Строса, пропущенную через собственный взгляд и тело полевого этнографа, к преодолению леви-стросовской модели по мере проблематизации включенным европейским наблюдателем собственного раздельного восприятия природы и культуры³⁸. Схожим образом упорядочено автобиографическое повествование Л. Болтански. Социальная и познавательная неопределенность первоначального выбора: «Я пришел [в социологию], поскольку стал студентом в период, когда это казалось чем-то интересным. Как многие подростки, я хотел заниматься литературой. То есть я хотел ничего не делать, что было бы самым оптимальным, или, на крайний случай, заняться историей, имея в виду, что история вела к тому, чтобы ничего не делать. [...] У меня были приятели, пошедшие учиться на социологов, [...] в основном политические активисты, [...] и занятие социологией значило для меня продолжение активизма»³⁹. Погружение в социологию как науку не через лекционные курсы, а через практику: записавшись студентом-социологом в Сорбонну, он вскоре становится техническим ассистентом П. Бурдьё и обрабатывает исследовательские материалы. Насыщенный период становления теоретического взгляда в 1968–1976-х годах, который проходит в составе группы под руководством Бурдьё, в непрерывном и «почти ежедневном контакте» с Бурдьё, чаще всего поздно вечером, поскольку тот был ночным работником. Интеллектуальный разрыв в середине 1970-х с последующим институциональным расхождением, которое заканчивается созданием в 1984 году «своего» центра в стенах той же Школы⁴⁰. Между этими двумя событиями — публикация исследования, принесшего Болтански одновременно научную и публичную известность⁴¹.

Оба примера, основанные на схеме индивидуализированного и персонифицированного преодоления, одновременно интеллектуального и институционального, указывают на способ производства новых подходов, поощряемый этим типом институции в целом и предлагаемым ею типом карьеры в частности. Относительно краткий промежуток, отделяющий начало восторженного и насыщенного ученичества от окончательного ухода, возможность институциализации собственных интеллектуальных предпочтений, организация нового тематического направ-

³⁸ См. текст его выступления с последующим интервью в этом номере журнала.

³⁹ Rousseau A., Wright P. *Eléments biographiques* [<http://boltanski.chez-alice.fr/biographie.htm>], на основе интервью с Л. Болтански, опубликованного в: *Raisons politiques*. № 3 и № 4. 2000.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ «Les Cadres. La formation d'un groupe social» (1982).

ления с использованием материальной инфраструктуры институции, по сути, формирование нового интеллектуального *тела* — цикл, близкий скорее научным кружкам, нежели университетскому или научному учреждению, где прохождение всех этих этапов обычно требует ощутимо большего времени и сил, часто оставляя результат незавершенным. Здесь становление индивидуализированного автономного субъекта исследования обязано относительно быстрой эмансипации исследователя одновременно в пространстве научных публикаций и в карьерном пространстве Школы.

Насыщенная интеллектуальная жизнь и предложение широкой публике разнообразных интеллектуальных моделей, ориентированных на «высшие достижения» в академическом секторе, не ограничиваются возможностями одной лишь Высшей школы социальных наук или Коллеж де Франс. Некоторые авторы, представленные на страницах этого номера журнала, являются обладателями, на первый взгляд, вполне традиционных университетских или исследовательских карьер. Однако при более внимательном рассмотрении первый взгляд уступает место констатации экс- или полицентричного характера их карьеры. Таков пример Луи ван Дельфта. Будучи выпускником гуманитарного факультета Сорбонны, он с начала 1960-х преподает в лицеях, затем в университетах. Однако начало постоянной карьеры преподавателя во французском университете датировано 1981 годом: до того он преподает в университетах США и Канады. Параллельно с академической карьерой он регулярно участвует в проектах французского МИДа. Его жизненный стиль просвещенного путешественника находит частичное выражение в стиле письма⁴². Не менее «эксцентричная» траектория у Кристиана Лаваля: социолог по образованию, он одновременно сотрудник исследовательской группы под эгидой университета Нантер и Национального центра научных исследований (CNRS), сотрудник Исследовательского института Объединенной федерации профсоюзов (FSU)⁴³ и член научного совета активистской ассоциации Attac⁴⁴. Привилегированный предмет его публикаций — современный капитализм во Франции, в текущем неолиберальном изводе — вполне явно вписывается в его ассоциативно-политическую деятельность. Жан-Люк Марион демонстрирует еще один пример полицентричной траектории. Выпускник Высшей нормальной школы, с начала 1970-х он преподает во французских университетах, прежде всего в Нантере и Сорбонне, с начала 1990-х — также в американских университетах, в частности в течение

⁴² См. его текст в этом номере журнала.

⁴³ Один из основных образовательных профсоюзов во Франции.

⁴⁴ Левореформистская ассоциация, политическая и культурная, созданная на базе движения за введение «налога Тобина», предложенного для перераспределения доли доходов от финансовых (спекулятивных) транзакций в пользу общественных и экологических проектов.

10 лет проводит семестр в году в университете Чикаго. На протяжении многих лет является советником парижского архиепископа, кардинала Жан-Мари Люстижера, чье кресло во Французской академии он «наследует» со смертью последнего. Философ и теолог в одном лице, он размещает Декарта и Гуссерля в одном текстуальном пространстве с Библией, точно так же, как сам он совмещает участие в институциях светского и религиозного порядка⁴⁵.

Дополнительные формы профессиональной включенности — устойчивая международная карьера и неакадемические институции — вносят ощутимый вклад в разнообразие тем и подходов, которые кристаллизуются не только и не столько в изолированном пространстве текстов этих и ряда других авторов, сколько в пространстве доступных им карьерных возможностей, которые могут быть относительно нейтральны к неожиданным, на первый взгляд, сочетаниям и соседствам⁴⁶. Точки прикрепления интеллектуальной карьеры к внешним структурам, таким как профсоюзные учреждения у К. Лавалея или религиозные у Ж.-Л. Мариона, но также интеллектуальные издательства и журналы, общественные объединения и литературные кружки, политические структуры и культурные институты формируют относительно эластичную сеть возможностей и ограничений: в ее ячейках возникают *антигравитационные эффекты*, которые в сочетании с гравитационными эффектами самих этих структур работают на индивидуализацию интеллектуальных проектов и карьеры. Более того, сама эта индивидуализация при ближайшем рассмотрении предстает не чем иным, как множеством менее принудительных и более дисперсных, чем привычные нам, институциональных форм.

В этом контексте нельзя не отметить сходство модели интеллектуального производства, которая порождает более производительного интеллектуального индивида за счет распределенного и недирижерного контроля, с глобальной моделью, хорошо изученной прежде всего по организации материального производства. Речь идет о растущей роли самоконтроля производящего индивида (в противовес его внешнему дисциплинированию), когда этот индивид все больше заинтересован в высоких результатах своего труда и связан этим интересом с остальными сотрудниками предприятия⁴⁷. Распространение в послевоенной

⁴⁵ См. его статью в этом номере журнала.

⁴⁶ Например, в самом начале своей карьеры Ж.-Л. Марион публикует книгу «С Богом или без?» в соавторстве с выходящим на политическую орбиту «новых правых» Аленом де Бенуа (Paris: Beauchesne, 1970). Это, похоже, не мешает его карьере университетского преподавателя и теолога. Как не мешает деятельности консультанта кардинала и епископа Парижа, например, публикация книги «Эротический феномен» (2003).

⁴⁷ По сути, именно в этом заключается «новый дух капитализма», описанный Л. Болтански и Э. Кьяпелло (см. статью в этом номере журнала), отчасти логика неоллиберализма, критикуемая П. Дардо и К. Лавалем (также в этом номере), если

Франции тех относительно редких – и еще реже вполне успешных – образцов интеллектуального предпринимательства рубежа XIX–XX веков, подобных социологической школе Дюркгейма, нашедшей свое место между университетом, интеллектуальным рынком, миром политики и государственной администрации, стало одновременно одним из источников и результатов дальнейшей динамики французской версии социализированного капитализма. В эволюции 1950–1990-х таких новых институций, как Высшая школа социальных наук или Национальный центр научных исследований, все теснее переплетались элементы двух основных моделей, релевантных ранее биполярному миру: поощрения индивидуальной инициативы, основанной на желании и признании, и централизованной стабильности, основанной на координации и планировании⁴⁸. Схожие процессы можно было наблюдать в национальной экономике, где интенсификация производства и поощрение роста производительности сопровождалось запуском универсалистских механизмов социального обеспечения как для работающих (обязательные отпуска, оплата больничного, доплата за ребенка и т.д.), так и для безработных и социально уязвимых категорий (пособия по безработице, помощь на оплату жилья и т.д.). Иными словами, в формировании интеллектуального пейзажа Франции, каким он предстает перед нами сегодня, важную роль сыграла та модель одновременно *инициативного* и *застрахованного* индивида, которая была задействована в различных производствах и которая достаточно хорошо отвечала склонностям профессиональных интеллектуалов. В ее рамках, на фоне общего сдвига интеллектуальной среды влево – в стенах университетов, исследовательских центров и «эксцентрических» институций – происходила частичная нейтрализация и политических, и иерархических критериев. Именно это тонкое равновесие между политизацией и политической нейтрализацией, частной инициативой и институциональной координацией на несколько десятилетий создало ощутимые антигравитационные эффекты во всем интеллектуальном пространстве и позволило оформиться в нем более слабым и менее вероятным типам связей, подобным тем, что были описаны выше. Одним из самых заметных результатов такой кристаллизации слабых связей и типов интеллектуальной карьеры при сниженной институциональной гравитации стало многообразие познавательных моделей, включая проекты радикальной критики, хорошо представленные во французском культурном пейзаже.

только не принимать в расчет более длительную перспективу, в которой с XVI в. постепенно формируются инструменты, пригодные для такого недирективного контроля и самоконтроля «цивилизованных» субъектов (модель Норберта Элиаса), и в которой формируется система либерального управления западными обществами, названная М. Фуко «gouvernementalité» (см.: Фуко М. *Правительственность (идея государственного интереса и ее генезис)*// Логос. № 4/5. 2003).

⁴⁸ Применительно к Высшей школе социальных наук эта тенденция отчасти прослежена в: Бикбов А. *Институты слабой дисциплины*.

Настройка восприятия

Примеривая очки, позволяющие различать типы профессиональной карьеры, мы одновременно получаем больше шансов, чтобы разглядеть эпистемологические фигуры в хаосе цветowych пятен, которым французское интеллектуальное пространство может казаться издалека. Нужен ли нам кем-то потерянный зонт, или мы ищем нечто совершенно иное — вопрос совсем не праздный. Главная проблема заключается в том, чтобы рассмотреть в свою пользу результаты практики, полученные в иных гравитационных условиях, при иной калибровке желания-подчинения, ввиду иных познавательных и стратегических целей. Один из неизбежных парадоксов неразрывно текстуального и социального перевода препятствует решению, казалось бы, столь простой прагматической задачи. Дело в том, что при всем разнообразии моделей, объективно генерирующих общий импрессионистский пейзаж, со своей точки обзора мы можем даже не заподозрить о существовании большинства из них, а потому не способны сделать их своими, повернуть их в свою пользу в собственной, профессионально отличной, ситуации. Действительно, российский и любой иной внешний наблюдатель чаще всего разглядывает даже не широкое импрессионистское полотно, а маленький неоновый коллаж, на котором мерцают несколько экзотических силуэтов, принадлежащих в первую очередь «поколению 68-го»: Фуко, Бурдьё, Барт, Деррида, Делез. Именно они остаются делегатами современной французской мысли во всем мире за границами Франции, которые нам *почему-то* интересны. К этому следует добавить, что французский наблюдатель часто разглядывает столь же маленький и экзотический коллаж интеллектуального мира *à la russe*, менее однородный поколенчески, одновременно еще более «звездный» и более произвольный, в силу обращенного эффекта культурного колониализма. «Современную русскую мысль» здесь представляют Василий Леонтьев, Николай Бердяев, Михаил Бахтин, Федор Достоевский, Виктор Пелевин.

Познавательный переход от неоновых коллажей к импрессионистским пейзажам — в гораздо меньшей степени дело личного вкуса и в существенно большей — предмет прагматического интереса, который располагает к утомительным повторам, радости узнавания, а в конечном счете и к банализации взгляда. Все дело в тренировке восприятия. Справедливо и обратное: такая тренировка способна оформить прагматический интерес, который может вывести нас за привычные и порой кажущиеся непроницаемыми границы возможного. Это отнюдь не созерцательный, а почти спортивный и наверняка политический выбор.

Настоящий номер журнала составлен из текстов, авторы которых приглашены к участию в культурных инициативах Года Франции в России. Он призван дать более полное представление о французском интеллектуальном разнообразии, заострив способность российских чи-

тателей к различению некоторых специфических интеллектуальных *эффектов*. Словно по совпадению, участниками этих официальных инициатив с французской стороны редко становятся крупные научные администраторы, обладатели больших государственных постов и образцовые представители университетской профессуры. Помимо более академических участников, таких как В. Декомб или Л. Болтански, в составе приглашенных оказываются и консервативные философы, подобные Ж.-Л. Мариону, и левые критики, подобные К. Лавалю. Ориентируясь в первую очередь на эффекты интеллектуального признания и рассчитывая частично воспроизвести их в российском контексте, французские организаторы в конечном счете отдают предпочтение признанным обладателям «эксцентрических» карьер, которые задают тон в публичном представлении разных областей знания. При этом нельзя не заметить, что среди приглашенных в этот раз нет, например, представителей критической социологии, явных сторонников Бурдьё, хотя есть несколько его открытых критиков. В целом на сей раз выбор организаторов пал на «специалистов по всеобщему», преимущественно тех философов и антропологов, кто занимается субъективностью и человеком как таковым, а не исследователей ясно очерченных социальных структур и ситуаций, социологов, социальных историков или историков науки и знания. При этом и напряжение между интеллектуальными позициями, и их неравное представительство в разных публичных формах не отменяют базовой модели — ориентации на индивидуальных обладателей признанных интеллектуальных свойств. Ставка на умеренный институциональный эксцентризм в рамках публичного события если не идеально, то вполне приемлемо отвечает представлению о культурной политике как о порядке публичного использования разума.

Следует отметить, что в сравнении с этой логикой зеркальные российские мероприятия, наподобие Дней российской культуры во Франции, дают весьма резкий контраст. С одной стороны, своей ориентацией не на индивидуальных обладателей интеллектуальных свойств, а на бюрократическое представительство крупных учреждений. С другой стороны, резким снижением размерности всего поля культурных инициатив и сведения его к формально наиболее устойчивым, а потому часто раздавленным институциональной гравитацией. Если имплицитная модель французского интеллектуального представления — это импрессионизм, в официальном российском по-прежнему господствует лубок с неизбывными матрешками, державным туризмом и учебниками русского языка для иностранцев⁴⁹. Как и во французском случае,

⁴⁹ О том, сколь неуместно подобные «галстучные» мероприятия выглядят со стороны, можно узнать, например, из субъективного отчета о днях российской культуры в Париже «Тысяча лиц России: между учебниками, переводами и космонавтами»: Di Mattia F. Le mille facce della Russia tra manuali, traduzioni e astronauti, 7 marzo 2007 [<http://www.wuz.it/articolo-libri/878/expolangues-francesca.htm>].

организация российских публичных событий воспроизводит общую административно-иерархическую модель интеллектуальной практики. Без умеренной институциональной «разбалансировки», которая создавала бы антигравитационные эффекты на уровне индивидуальных карьер и в тематическом репертуаре организуемых событий, — тем самым обеспечив нетривиальные интеллектуальные результаты, — культурная, научная, образовательная политика будет раз за разом давать сбой, вызванный избыточной гравитацией моноструктурных институций. В рамках такой модели любые дебаты о лучшей или просто приемлемой организации культуры, образования, науки в современной России будут оставаться не более действенными, чем спиритические сеансы.

Верно и обратное. Как и отдельные книги, конференции или выставки — также научные и образовательные заведения могут выступать объектом проектного и конструктивного усилия их участников, совершаемого в расчете на приемлемый интеллектуальный результат. Эти проектные возможности, вероятно, не стоит переоценивать: в российской культурной политике объективная инерция бюрократического сверхпредставительства и без того часто сопровождается модернизационным сверхоптимизмом. Однако если в качестве цели рассматривать не пастырскую реформу *всех* институций, а изменение микрополитических обстоятельств собственной деятельности в пользу взаимного признания равных (коллег), такая цель может стать действенным инструментом, настраивающим наши профессиональные условия на новые познавательные возможности. Критическое понимание этих условий, через осмысление того, как и зачем французские авторы совершают свою интеллектуальную работу, может стать наиболее важным результатом отвлеченного, в первом приближении, импрессионистского разглядывания. Помимо кем-то давно забытого зонтика, в этом пейзаже найдется немало того, что можно принять на свой счет и повернуть в свою пользу: познавательно и институционально.